— Лю-цзы, ты… Доктор и правда так сказал?

Такой вопрос, касающийся человеческого достоинства, сложно задавать напрямую, но эта новость была настолько шокирующей, что люди не могли удержаться от желания обратиться к Цзян Лю за разъяснениями.

Вы должны знать, что с древних времен бесплодие всегда приписывалось женщинам. Поэтому, когда люди говорили о такой паре, как оригинальный владелец тела и Сюй Сюсю, которая за десять лет так и не смогла завести ребенка, то всегда говорили лишь о том, что эта женщина — «плохое поле». И никто даже мысли не допускал, что проблемы могут быть у того, кто это поле «пахал».

— Угу.

Поскольку его жена уже начала готовить, у Цзян Лю наконец-то появилось настроение выйти и ответить на все вопросы.

В ответ на слова окружающих на его лице появилось крайне печальное выражение. Цзян Лю потер лицо ладонями, прежде чем испустить долгий вздох и начать рассказывать:

— Доктор сказал, что мое семя никуда не годится. Он считает, что это из-за плохого питания в юности. Кроме того я слишком много работал в последние годы. В общем, судя по нынешнему состоянию моего тела, маловероятно, что у меня будут дети. Еще доктор сказал, что если я с этого момента начну заботиться о своем здоровье и следить за питанием, то может появиться проблеск надежды.

Слова Цзян Лю были чистой чепухой. Как могла больница в их маленьком округе иметь оборудование для проверки жизнеспособности его спермы? В тот день Цзян Лю просто использовал рану на голове как предлог, чтобы зайти в кабинет врача.

Однако первоначальный владелец действительно не смог завести детей, и кто знает, была ли причина в нем самом или в Сюй Сюсю.

Цзян Лю подумал, что когда суматоха вокруг него уляжется, он найдет возможность отвезти жену в большую больницу на обследование. Не только для исполнения переданного через систему желания оригинала иметь детей, но и из-за собственных взглядов Цзян Лю. Он считал, что дети — это связующее звено, смазка, которая делает семью намного гармоничнее и счастливее.

— Значит, теперь ты больше не можешь выполнять тяжелую работу…

Хотя эта тема была немного сложной, все присутствующие понимали желание Цзян Лю иметь собственного ребенка. Если детей нет, что толку зарабатывать столько рабочих очков? Зачем

работать до упаду лишь ради выгоды детей брата?

За последние годы Цзян Лю достаточно вложил в семью Цзян. На данный момент все младшие в этом доме уже имеют свои семьи, но он продолжал поддерживать их. Любой видел как сильно он устает — неудивительно, что его тело стало настолько слабым, что не может зачать ребенка. Само собой, что это взаимосвязано.

Теперь он просто хотел пожить для себя. Что плохого в его желании позаботиться о своем теле ради того, чтобы хоть капельку улучшить свои шансы завести ребенка?

И в то же время окружающие могли лишь пожалеть Цзян Лю. Для мужчины неспособность выполнять тяжелую работу в будущем — это смертельный удар. Ему уже невероятно повезло, что жена не отказалась от него. Впрочем, если они вместе приложат достаточно усилий, их будущее может оказаться не таким уж плохим.

— Береги свою жену. Нет ничего, что вы не сможете преодолеть вдвоем.

— Верно, не будь дураком, который всегда слушается приказов матери. Ты уже выполнил долг старшего, помогая младшим брату и сестре жениться. Теперь у них уже есть собственные маленькие семьи, и они не нуждаются в твоей заботе, — утешали и убеждали Цзян Лю те, у кого с ним были хорошие отношения.

В то же время люди старшего поколения ушли и забрали с собой Мяо Цайфэн и Цзян Чуанъэня, чтобы обсудить возникшую проблему. Если бы эти двое продолжали заставлять Цзян Лю работать, то, скорее всего, получили бы выговор.

У Мяо Цайфэн было в запасе еще много доводов в свою пользу, но в этом кругу большинство было старше ее. Она могла без обиняков выложить все что думает перед младшими или сверстниками, но со старшими так себя вести недопустимо, так что ей оставалось только выслушивать упреки и нотации.

***

После всей этой суматохи в течение дня Цзян Лю не захотел садиться за общий стол с матерью, братом и сестрой. Он забрал с кухни отлично приготовленного Сюй Сюсю большого петуха и кастрюлю с бульоном, не оставив остальной части семьи ни капли.

— Съешь-ка эту куриную ножку вместе с бедром.

Увидев кастрюлю с горячим куриным супом, Цзян Лю не мог долго сдерживаться.

Пока они были в больнице, он не осмеливался наедаться вволю, так как количество талонов на питание было ограничено. В эти годы продуктов не хватало повсеместно, поэтому основным

блюдом в больничной столовой был безвкусный почти постный суп. Овощей в нем было мало, а мяса вообще не видно.

И конечно из-за того, что у них не было на руках своих денег, Сюй Сюсю просто не решалась покупать мясные блюда. Вполне естественно для человека, который не может распорядиться собственными деньгами, не осмеливаться купить мясо.

Так или иначе, еда в эту эпоху лишь огорчала Цзян Лю, который несмотря на все трудности самостоятельной жизни всегда умел обеспечить себе кусок мяса на столе. Даже ребенком, в худшие его годы, он питался лучше.

Так что этой трапезы Цзян Лю ждал уже давно и просто не мог сдержаться.

Он отделил куриное бедро для Сюй Сюсю, а затем взял себе крылышко и с наслаждением откусил.

Этого большого петуха госпожа Мяо собиралась в конце года сдать на заготовительный пункт. Ради того, чтобы выручить побольше денег, она очень тщательно растила цыпленка. К тому же в эту эпоху кур растили на свободном выгуле, их мясо получалось нежным и ароматным. По сравнению с цыплятами из более позднего времени, выращенными на современных кормах с гормонами, этот петух был просто лучшим цыпленком на свете.

Тут же стояла кастрюля с куриным бульйоном. В нем не было особых приправ. Сюй Сюсю просто отварила тушку с небольшим количеством соли, лука и имбиря, но вкус вышел настолько ярким, что можно было язык проглотить.

Цзян Лю не мог сказать, было ли это потому, что первоначальный владелец никогда раньше не ел таких вкусных вещей, или просто потому, что куриный суп перед ним действительно был таким вкусным.

— Неужели мы вообще ничего не оставим твоим родителям?

Сюй Сюсю сглотнула и посмотрела на курицу перед собой. Она все еще не решалась пошевелить палочками.

Когда она наблюдала за его сыновним благочестием, она чувствовала, что ее дни были слишком горькими. Но теперь, когда Цзян Лю решил отказаться от своего слепого поклонения, у нее появилось чувство нереальности происходящего.

— Оставить? В последние несколько лет, когда они забивали свиней или кур дома, кто-нибудь из них оставлял что-нибудь для нас? Сюсю, я действительно хочу иметь ребенка. Я зарезал всего лишь старого петуха. Даже не знаю, поможет ли это восполнить потерю всех прошедших лет. Да и ты страдала вместе со мной все эти годы. Твое тело наверняка тоже не в лучшем

состоянии. Давай побудем немного эгоистичными. Пусть подождут, по крайней мере, пока у нас не родится ребенок.

Сказав это, Цзян Лю опустил глаза. Сюй Сюсю поняла, что она посыпала соль на рану мужа, поэтому больше не осмелилась возражать.

— Это всего лишь курица. Давай вырастим еще несколько и будем есть яйца каждый день. Твое тело поправится, и у нас будут дети, — сказав это, Сюй Сюсю быстро принялась есть куриную ногу, которую дал ей Цзян Лю. Ее нос заполнил одуряющий запах курицы, а рот оказался набит вкуснейшим мясом. Ей захотелось плакать.

За всю свою жизнь она ела мясо дважды.

Первый раз это случилось, когда Сюй Сюсю была маленькой. В то время ее собственная мать была еще жива, и однажды она украдкой вытащила из кастрюли куриную шкурку и отдала дочери, пока бабушка и дедушка не видели. Та долго пережевывала угощение, не желая глотать, ведь это было так вкусно!

Второй раз был в тот день, когда она вышла замуж. Хотя ей от свадебного банкета остались только куриная шея и голова, Сюй Сюсю ревностно обглодала каждую косточку и даже сами кости грызла и жевала, пока они не стали совсем безвкусными.

В этот раз она впервые попробовала мясо по-настоящему.

Ей было не только вкусно, но и тепло на душе.

***

— Бабушка, я тоже хочу есть курицу.

В центральной части дома семейство Цзян молча сидело за обеденным столом. Ван Сюэмэй, жена Цзян Хая, быстро вытянула ногу и пнула своего старшего сына, Цзян Цзяньцзюня.

Но Цзян Цзяньцзюнь едва взглянув на собственную мать, принялся стучать по миске, выражая свой протест и требуя курицу на ужин. Его младший брат Цзян Цзяньдан тут же последовал его примеру.

— Кто научил тебя стучать по миске?! Ты хочешь стать нищим? Ты можешь поесть рис с яичной похлебкой. Хочешь — ешь, не хочешь — проваливай.

Мяо Цайфэн так рассердилась, что даже ее любимый внук превратился в мальчика для битья.

— Цзяньцзюнь, будь хорошим мальчиком, мама положит тебе побольше яйца, — поспешно вмешалась Ван Сюэмэй.

Она зачерпнула добрую половину яичной похлебки и разделила ее между тарелками сыновей, наполнив их доверху. Оставшаяся половина принадлежала старику Цзян.

Однако в душе Ван Сюэмэй вовсе не было того спокойствия, которое отражалось на ее лице. В конце концов это был целый большой петух. Они не посмели съесть его даже на лунный Новый год. А старший брат со своей семьей все испортил.

П.р.: Лунный или китайский Новый год празднуется в начале февраля. Дата варьируется в зависимости от лунных циклов.

Только призраки поверят, что старшая хозяйка все еще заботится об их семье. Если она действительно переживала за своих внуков, то почему не пошла и не забрала миску с курицей, чтобы они поели?

Чем больше Ван Сюэмэй думала об этом, тем больше злилась. Ей казалось, что свекры на самом деле более благосклонны к старшему сыну. Похоже единственная причина, по которой уделялось внимание ей и ее мужу, была в том, что они родили двух внуков, а старший брат еще ничего не сделал.

Однако, когда у старшего брата появится ребенок, отношение старших в семье Цзян к ее детям может измениться.

Как могла Мяо Цайфэн не заметить недовольства на лице своей невестки? Но могла ли она сейчас пойти и потребовать вернуть курицу? Стоит ей сделать хоть шаг в эту сторону, как следом явятся старейшины и снова начнут читать ей мораль.

***

— Ты мне скажи, скольких людей ты обидела своим злым языком? Теперь даже наш старший сын захотел отделиться от нас, — внезапно сказал Цзян Чуанъэнь, когда ночью они легли в постель.

— А что я такого сказала? Где я ошиблась?! — услышав обвинение от мужа, уже задремавшая Мяо Цайфэн снова вскочила. — Вот скажи мне, если я бы не устроила сцену в день, когда наш старший получил травму, думаешь, командир Гуань взял бы на себя половину медицинских расходов? Это же мой сын. Как я могу не любить его? Но если бы не вмешалась невестка, со своей готовностью все оплатить, я бы заставила старика Гуаня заплатить еще больше.

Мяо Цайфэн тяжело вздохнула.

— Если ты хочешь выставить себя хорошим человеком, почему не взял на себя инициативу в тот день? А теперь говоришь так, словно я — бессердечная мать, что злее любой мачехи. Мы не настолько богаты, чтобы сорить деньгами, так что я изо всех сил ломала голову, как помочь ему оплатить медицинские расходы.

Мяо Цайфэн действительно была предубежденным человеком, но сказать, что она совсем не испытывала чувств к старшему сыну, тоже было нельзя. Просто мир настолько сложен, что забота о старшем сыне может привести к краху всей семьи. Она могла только использовать свои глупые идеи невежественной деревенской женщины, чтобы попытаться уменьшить нагрузку на семью.

— Тогда почему ты не дала ему яйцо, которое он попросил? Ты даже хотела заставить его работать в первый же день после выписки.

Услышав слова жены, Цзян Чуанъэнь не сразу нашел, что ответить. И правда, когда они отправляли сына в больницу, никто не знал, во сколько обойдется визит к врачу. Это могло оказаться сто юаней или пятьсот, или даже еще больше — столько, что они не смогли бы заработать нужную сумму за всю жизнь.

Но даже если это так, они вполне могли быть внимательными к сыну, когда он вернулся.

— И в чем же я не права? Раз доктор выписал его из больницы, разве это не значит, что с его телом все в порядке? Он задолжал больнице так много денег и при этом не хочет начать зарабатывать как можно быстрее? Или он собирается тянуть этот долг до самой смерти? — уверенная в своей правоте Мяо Цайфэн за словом в карман не лезла.

— Но факт остается фактом: мы плохо заботились о своем сыне, что привело к его бесплодию. Мы должны взять на себя ответственность за это, — Цзян Чуанъэнь снова тяжело вздохнул.

— Что толку говорить об этом сейчас, когда все уже случилось? Да, мы плохо обращались с ним, но так было не всегда.

На самом деле у Мяо Цайфэн родилось больше, чем три ребенка. Вскоре после рождения старшего сына она снова забеременела. Тогда у нее родился еще один сын, а близнецы появились позже. Но когда дети были еще совсем малы, случился Великий китайский голод. В это трудное время за три года неурожая земля облысела: даже дерн был содран.

П.р.: Великий голод 1959-1961 годов на китайском так и называется «Три года стихийных бедствий» или «Три горьких года».

Семье Цзян тоже не хватало еды. Второй сын умер от голода. А так как он был слишком мал, от него не осталось даже записи в семейном реестре.

Выхода не было, все усилия семьи направлялись на то, чтобы сохранить жизнь детям. Тогда бабушка, старшая хозяйка в семье, настояла на том, чтобы Цзян Лю получал больше еды, как старший сын, который унаследует семью. Конечно, бабушка и сама не пережила голод, ведь старики были обузой для семьи. В то время почти все пожилые люди оставили свою надежду на выживание молодым.

Этот случай тяжелым камнем лег на сердце Мяо Цайфэн. Ей всегда казалось, что старший сын отнял жизнь у ее второго ребенка и поэтому всегда обязан отдавать больше, чтобы вернуть этот долг.

Когда его жена подняла этот вопрос, Цзян Чуанъэнь умолк.

— Забудь об этом. Если он хочет отделиться, пусть отделяется. Не важно, ест ли он яйца или курицу — пусть живет, как знает. А мы всегда сможем положиться на нашего второго сына, — сказала Мяо Цайфэн сдавленным голосом, быстро легла и плотно завернулась в одеяло.

— Разделяться, так разделяться, — проговорил Цзян Чуанъэнь со смешанными чувствами и испустил еще один долгий тяжелый вздох.

---

https://vk.com/webnovell — промокоды на главы, акции, конкурсы и прочие плюшки от команды по переводам K.O.D.

http://tl.rulate.ru/book/45346/1321359